

Я. В. Васильков, Н. В. Гуров

**Первый русский перевод с санскрита:
«Мохамудгара» Шанкары в переводе Г. С. Лебедева***

В 1805 г., «повергая к священным стопам Его Императорского Величества» императора Александра I свой главный труд – книгу «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов ...», Герасим Степанович Лебедев торжественно обещал «выдать» в свет еще многие и многие свои сочинения, раскрывающие перед россиянами духовное богатство Индии – бенгальскую грамматику и словарь, «грамматические таблицы, стихи и поэмы бенгальских стихотворцев», переведенные им «две драмы на русском и индийском языках».

Намерениям этим, однако, не суждено было сбыться. В своем последнем прошении на Высочайшее имя, написанном в начале 1816 г., за год до смерти, Лебедев горько жалуется на то, что старость и болезни не позволяют ему издать все его труды «Азбуку брамгенского священного языка..., краткий словарь на бенгальском гражданском и простонародном языках с предложением на российской..., несколько разговоров употребительных в общежитии, на гражданском бенгальском и народном индийском языках, переложенных на российский и английской языки, для желающих объясняться на оных» и даже свой, сделанный еще в Индии перевод с английского комедии Р. П. Джодрелла «Притворство»¹. Александр, которого в эти годы гораздо больше занимали европейские дела, решения Венского конгресса и конституционное устройство Царства Польского, велел выразить Лебедеву свое «Высочайшее благоволение», наградил его Владимирским крестом 4-й степени, но просьбу о помощи в издании лебедевских трудов предпочел не услышать. Первому отечественному индологу суждено было, так же, как и многим нашим самородным талантам, полной мерой вкусить от горького плода невостребованности.

Ощущение собственной ненужности, всеобщей глухоты к своим призывам, к изучению «Брамгенской учености» (которое,

* Работа выполнена в рамках проекта № 05-03-03322а, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

¹ Цитируется по: Архив востоковедов, фонд 90, № 226/2, л. 2.

по его мнению, одно только могло бы сотворить «в рассеянном по лицу земли человеческом роде союз», распространить «во вселенной истинное понятие о богопознании» и соединить «способности к восстановлению всеобщего блага») преследовало Лебедева все последние десять лет его жизни. Единственным светлым пятном на этом тусклом фоне было его знакомство и сотрудничество с Г. Р. Державиным.

О контактах Лебедева с Державиным впервые стало известно в 1963 г. из статьи М. Г. Альтшулера, опубликованной в журнале «Народы Азии и Африки». Обнаруженные М. Г. Альтшулером архивные материалы относились к последним годам жизни Г. Р. Державина и связаны с его работой над одним из последних его творческих проектов – монументальным теоретическим трактатом «Рассуждение о лирической поэзии». В этой книге (издать которую Г. Р. так и не успел) Державин намеревался собрать и проанализировать образцы поэтического творчества (в лирическом роде) всех народов мира, как современных, так и живших в глубокой древности. В рукописи «Рассуждения» и подготовительных материалах к этой книге, хранящихся в РНБ и ОР ИРЛИ РАН, мы находим отрывки из Ветхого Завета, образцы поэзии труверов и трубадуров, отрывки из древнеисландских саг, арабские касыды и даже сочинения древнекитайских поэтов эпохи Сун. Державин, в течение многих лет занимавший министерские посты, знал о том, что в Коллегии Иностранных дел переводчиком индийских языков состоит надворный советник Лебедев, «бывший 14 лет в Индии». Лебедев, немало печалившийся о судьбе вывезенных им из Индии духовных ценностей, с полной готовностью согласился помочь сановитому поэту. В марте 1815 г. он присылает Державину обстоятельную записку «О стихосложении Индийцев», в которой не только описывает разные стихотворные размеры (от 8 до 15-стопных), но и подробно рассказывает о характерной для индийской поэтической культуры манере исполнения стихов, об органической связи поэзии и музыки и т. д. Еще одна записка Лебедева, хранящаяся в архиве Державина, озаглавлена «Имена отличнейших Индийских Песнопевцев, той свет страны, где еще находятся следы древней мудрости и добродетели».

Сведениями, полученными от Лебедева, Державин поспешил воспользоваться. В рукописи «Рассуждения» ссылки на «г-на Надворного Советника Лебедева» встречаются неоднократно. Анализируя характерные для поэзии разных народов метрические системы, Державин говорит между прочим:

«У Индийцев стихи на Шомскрито – Индейском языке бывают разностопные. От одной стопы простираются иногда и до 15-ти, но более шестистопные – вот пример оных, взятый из славного их вышеупомянутого стихотворца мага шри Бхарот Чондро Рая, переведенный на русский язык г-ном надв. советником Л-вым:

Престань искать богатств,
о бренный человек!
Но душу украшай ты добрыми
делами, ...
.....
Что жизнь твоя? Она есть
капелька воды
Которая дрожит на розовом
листочке...».

Как указывает М. Г. Альтшулер, процитированные Державиным стихи взяты из хранящейся в его архиве брошюры, озаглавленной «Шлоке мога мудгаро. Стихи нравоучительные». Такую брошюру действительно можно обнаружить в 31-м томе «Архива Державина», заключающего в себе (по каталогу 1892 г.) «сборник рукописных и печатных книг». Описывая эту брошюру, М. Г. Альтшулер отмечает, в частности: «Брошюра состоит из четырех листов. Текст начинается на обороте первого листа. Рядом с *бенгальскими* стихами даны транскрипция и перевод на русский язык» (Курсив наш. – Я. В., Н. Г.). М. Г. Альтшулер справедливо указывает при этом, что брошюра «Шлоке мога мудгаро» – это скорее всего своего рода пробный экземпляр, отпечатанный Лебедевым специально для Державина и что здесь мы имеем дело с первой в России попыткой напечатать произведение индийской художественной литературы, переведенное с языка оригинала (Альтшулер 1963: 128).

Все это, повторяем, совершенно справедливо, вопрос только в том, – с какого языка? М. Г. Альтшулер, по-видимому, не имел возможности детально ознакомиться с исходным текстом. Доверившись ссылке Г. Р. Державина на авторство Бхарот Чондро Рая, он предположительно определил данный поэтический текст как фрагмент из бенгальской поэмы этого автора «Бидде Шундор», переводом которой действительно занимался Лебедев (Альтшулер 1963: 127–128). Но транскрибированный и переведенный Лебедевым текст «Шлоке мога мудгаро», хоть и записанный бенгальским письмом, создан, тем не менее, не на бенгальском языке, а на литературном санскрите. Иначе говоря,

поднесенные Державину «Стихи нравоучительные» оказываются **первым русским переводом с санскрита**, переводом, выполненным на 20 лет раньше перевода П. Я. Петровым «Песни Налы из Махабхараты» (опубликован в журнале «Телескоп», т. XXV, 1833)².

Вот как выглядит перевод Г. С. Лебедева:

СТИХИ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ

Престань алкать богатств, о бренный человек!
Но душу украшай ты добрыми делами;
Учись вкушать плоды от собственных трудов:
Вот средства погасить желанья похотливы. (1)

Чей сын ты, знаешь ли? и кто твоя жена?
Скажи, кто ты? За чем сюда явился?
Познал ли ты теперь превратность жизни сей?
Познай же власть, мой друг, Правителя вселенной. (2)

По что во младости гордишься суетой,
Когда в минуту смерть со всем нас разлучает?
Не лучше ль отложить к мирским забавам страсть,
И шествовать стезей, Творцом определенной? (3)

Что жизнь твоя? Она как капелька воды,
Которая дрожит на розовом листочке;
Подобна челноку, в иной плывущу мир:
Пожертвуй хоть часом ты истине священной. (4)

Уже ты без зубов, бледнеют и уста,
Трясется голова, и члены все ослабли,
Валится из твоих дрожащих посох рук;
Но ты и тут еще стяжать богатства алчешь. (5)

Рожденным будучи, ты должен умереть,
Оставить бурный свет, и спать в земной утробе;
Коль зришь ты в свете сем мечту и суету,
Так в злате ли найдешь ты щастие надежно? (6)

Ты видишь как текут ночь, вечер, утро, день,
И года времена на крыльях пролетают;
Не видишь ли как смерть разит всегда людей,
Почто ж твой алчный взор стремится лишь к богатству? (7)

² Предварительное сообщение об этом см.: Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 355–356.

Под древом жизни храм тебе назначил Бог,
Постелей шар земной, растения покровом;
В наружном блеске благ нет истинных отрад;
Доставить может их одна лишь чиста совесть. (8)

Коль хочешь угодить Создавшему тебя,
Не делай зла друзьям, не мсти врагам ты лютым;
В жестоки сварливы, ни в тихи мирны дни:
Вот правило тебе, вот истина священна. (9)

Осьмь гор³ и семь морей под властью состоят
Единого Творца, создавшего вселенну;
Один лишь ими Он всеильно управляет;
Так что ж крушить тебя? Скажи о чем скорбишь? (10)

Когда един есть Бог, Создатель тварей всех;
На что же умствуешь, душою ты мятешься;
Смотря на вымыслы и хитрости других,
Старасься всегда блеснуть умом пред всеми? (11)

В младенчестве игрой твой разум занят был,
В цветущи юны дни страстям ты покорялся,
Под старость жизнь твою болезни тяготят,
Когда ж на помощь ты Творца призвать подишься? (12)

Уста наставника гласят ученикам
Законы мудрости двенадцать наставлений;
Но кто вещания сии пренебрежет,
Что делать более осталось с таковыми? (13)

Указание на авторство данного текста, содержащееся в рукописи Державина, – ошибочно. Трудно сказать, то ли Державин не понял объяснений Лебедева по этому поводу, то ли сам Лебедев ошибался, приписывая этот текст своему любимому поэту, но Бхарот Чондро Раю (который действительно писал не только на бенгальском, но и на санскрите) эти стихи не принадлежали.

Переведенный Лебедевым и процитированный Державиным текст, озаглавленный в рукописи «Шлоке мога мудгаро», – это не что иное, как санскритский гимн «Мохамудгара» (далее – ММ), буквально «Молот заблуждения / помраченности», или «Молот, (дробящий) заблуждение». Авторство его в индийской

³ Разумеются планеты (примечание Г. С. Лебедева).

традиции приписывается великому философу и религиозному реформатору Шанкарачарье, жившему на рубеже VIII и IX веков. К XVII–XVIII вв. этот текст вошел в состав своего рода хрестоматийной литературы, изучение которой считалось обязательным для молодых людей высших сословий⁴.

Неудивительно, что этот популярный текст привлек внимание уже первых европейцев, обратившихся в конце XVIII века к изучению литературы и культуры Индии. В 1798 г. в первом номере журнала *Asiatick Researches*, вышедшем в Калькутте, была посмертно опубликована «диссертация» о «правописании азиатских слов латиницей» Уильяма Джонса – основоположника европейской научной индологии (Jones 1798). В качестве приложения У. Джонс поместил здесь же подлинные тексты на восточных языках, в том числе два индийских (санскритских) текста: фрагмент из «Бхагавадгиты» в графике деванагари (по изданию Ч. Уилкинса) и «Мохамудгару», набранную бенгальским шрифтом. Тексты сопровождалась переводами на английский.

Перевод ММ стал известен в Европе три года спустя, когда весь том был переиздан в Лондоне. Текст этот был сразу же замечен. Уже в следующем году 19-летний Юлиус Клапрот, в будущем – адъюнкт ориенталистики в Санкт-Петербурге и профессор восточных языков в Париже, опубликовал в альманахе *Asiatischer Magazin* (Weimar, 1802. Bd. 2: 265–268) немецкий перевод ММ, сделанный на основе перевода У. Джонса. В это же время великий немецкий философ Й. Г. Гердер, всю жизнь посвятивший исследованию различных проявлений человеческого духа в культуре разных народов, цитирует ММ в одном из своих сочинений, рассказывающих об учении брахманов (Winternitz 1962: 166). Через несколько лет Л. Ланглэ, издававший каталог санскритских рукописей, поместил там фран-

⁴ О том, насколько «органичными» для традиционной индийской образованности стали переведенные Лебедевым стихи, говорит уже тот факт, что они остаются на устах индийских интеллигентов (при этом – отнюдь не «почвеннического» толка) до сих пор. Поэт Шри Шри – апостол новой «прогрессивной» поэзии телугу, поклонник Маяковского и Лорки (одновременно – Свинберна и Рэмбо), – говоря об одном из самых знаменитых творений своих, поэме «Великий Исход» («Mahāprasthānam»), замечает как бы невзначай: «Ритм первых строф моей поэмы близок к ритму *Bhajagovindam* Шанкары...» (Telugus 2003: 273).

цузский текст ММ, также основывающийся на переводе У. Джонса (Langlés 1807: 71–72)⁵. В отличие от них Г. С. Лебедев, как мы уже говорили, переводил ММ непосредственно с санскрита. Перевод Джонса был ему известен: Лебедев ссылается на него, как всегда, полемизируя с Джонсом, в предисловии к своей «Грамматике», изданной в Лондоне в 1801 году (Lebedeff 1801: XVIII–XIX). Однако – это становится ясным при самом беглом просмотре обоих текстов – Г. С. Лебедев в своей работе был вполне независим от перевода английского ученого. При этом – и об этом нужно упомянуть непременно, – если более поздние, появившиеся в 1830–1840-х гг. европейские (французские и немецкие) переводы ММ воспроизводили различные версии текста памятника, У. Джонс и Г. С. Лебедев основывались на одном и том же совершенно идентичном кратком варианте, по-видимому наиболее распространенном в бенгальском обществе того времени.

Г. С. Лебедев, как известно, сам оценивал свои знания санскрита довольно сдержанно: говоря о том, что ему удалось «выразуметь» бенгальский язык, он одновременно указывает, что о «Шомскритском языке» ему лишь «удалось добыть сведения» (Лебедев 1805: V). Филологический анализ перевода ММ свидетельствует о том, что санскритский текст скорее всего записан на слух, причем в роли информанта выступал некий носитель бенгальского языка. Можно также предположить, что Лебедев сумел вникнуть в содержание текста благодаря знакомству с неким устным бенгальским комментарием. Этим никак не умаляется, впрочем, значение того факта, что Лебедев первым из европейцев после Джонса переводил ММ с санскритского подлинника.

По данным библиографов (Gildemeister 1847: 81), в первые десятилетия XIX века текст ММ в оригинале и в переводе

⁵ Для полноты картины нужно отметить, что перевод У. Джонса был известен и россиянам. В издаваемом И. И. Мартыновым журнале «Северный Вестник» было опубликовано в русском переводе несколько стихов из текста, озаглавленного «Предохранительный способ против возмущений душевных. Поэма санскритская». Публикаторы особо отмечают, что «изданием в свет на Санскритском» и «переводом на Англинский язык» этого небольшого сочинения «мы одолжены единственно Вильяму Джонсу» (Северный Вестник. Часть VI. СПб., 1805. С. 40–45).

публиковался в европейских странах едва ли не чаще, чем многие другие образцы санскритской литературы. Чем же вызвано было столь пристальное внимание культурной Европы к этому маленькому стихотворному тексту? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо, по-видимому, как можно глубже вникнуть в содержание и стилистические особенности памятника.

«Мохамудгара» («Mohamudgara») означает, как уже говорилось, «Молот, (сокрушающий / дробящий) заблуждение». Это основное название текста во всех его вариантах, и это же – название его кратчайшего варианта, двенадцати строф, сочиненных по преданию самим Шанкарой; этот вариант называется также «Двадашаманджарика-стотра» – «Гимн-двенадцатицветие». По жанру ММ определяется как гимн (*stotra*), по функции – как «наставление» (*upadeśa*).

В ряде вариантов текст известен также как «Бхаджа Говиндам» (*Bhaja Govindam* – «Возлюби Говинду⁶!»). Этими словами начинается в данной версии первая строфа, в которой отражена следующая ситуация, ставшая, согласно легенде, поводом к созданию гимна. Однажды Шанкара, прогуливаясь в сопровождении учеников по улицам священного города Варанаси, услышал, как старик-ученый бормочет затверженные формулы व्याкараны – грамматической науки. Пораженный, по-видимому, тем, что здесь, в городе, куда со всей Индии собирались старые и больные люди, чтобы у священных вод Ганга расстаться с телом, человек по-прежнему сохраняет интерес к мирским знаниям, Шанкара подошел к грамматисту и пропел ему строфу примерно такого содержания:

Возлюби Говинду (*bhaja govindam*), возлюби Говинду,
 возлюби Говинду, заблудший глупец;
 Ведь когда придет смертный час,
 не защитит тебя знание грамматики!

Затем Шанкара, по преданию, произнес строфы «Двенадцатицветия». Каждый из сопровождавших его учеников произнес по одной строфе, в результате чего образовалась вторая часть гимна, известная как «Чатурдашаманджарика-стотра» («Гимн-четырнадцатицветие»). В версии «Бхаджа Говиндам» начальная строфа гимна (*bhaja govindam*, *bhaja govindam* и т. д.) поется после каждой из строф как сквозной рефрен.

⁶ Говинда – «Пастырь», одно из имен Вишну-Кришны.

«Двенадцатицветие» и «Четырнадцатицветие» могли исполняться устно и фиксироваться письменно либо вместе, либо по отдельности. К тому и другому может добавляться в конце подытоживающая строфа (как 13-я строфа в ММ Г. С. Лебедева). Иногда в конце приводятся несколько дополнительных строф. В стандартных современных изданиях (вариант «Бхаджа Говиндам» без записи рефрена) насчитывается 31 строфа (см., напр. Mahadevan 1980).

Из сказанного уже ясно, что текст ММ необычайно подвижен, текуч. В состав основного «Двенадцатицветия» включались разные стихи. Кто-то мог присочинить новый стих, приписав его Шанкаре или кому-то из учеников. Тот или иной стих в разных версиях мог входить в состав либо «Двенадцатицветия», либо «Четырнадцатицветия»; иногда в новой версии от одной строфы брались первые две четверти (пады), и к ним пристраивались две вторые пады от другой строфы. Текучесть текста, разумеется, вообще характерна для традиции, в которой основным является устный способ передачи, но можно также полагать, что различия вариантов в ряде случаев предопределены отбором по некоторым идейным (концептуальным) критериям.

Версия, называемая нами условно «Бхаджа Говиндам», пространная, включающая строфы и Шанкары, и учеников, с начальной строфой и с рефреном, может быть охарактеризована также как более эмоциональная, экстатичная, более «песенная» и даже «плясовая», уже потому, что за каждой строфой следует энергичный, четкий по ритму рефрен. В ней есть целый ряд стихов, начиная с 1-й строфы (рефрена), явно выражающих идеи вишнуитского бхакти, с характерно бхактистскими призывами и к почитателю Вишну-Кришны («Возлюби Говинду!»), и к самому Богу («Спаси, о Мурари⁷!» и т.д.). Есть основания поставить эту версию ММ в прямую связь с теологией и практикой вайшнавского бхакти, экстатического теизма.

Другая же группа вариантов, образующих «12-цветие» (с 13-м, итоговым стихом) – явно тяготеет к исключению (или изначально свободна от) всех такого рода бхактистских элементов, начиная с рефрена. Например, в «Бхаджа Говиндам» есть такая строфа (21):

⁷ Мурари – «Недруг (демона) Муры», имя-эпитет Кришны.

punar api jananam, punar api maranam,
 punar api janantjathare sayanam /
 iha samsāre bahudustāre
 kṛpayā 'pare pāhi Murāre //

Снова рождение, снова умирание,
 снова в материнской утробе пребывание...
 Из этой сансары непреодолимой и непревзойденной,
 по милости (твоей), спаси, о Мурари!

В «Мохамудгаре» (у Лебедева стих 6) эта строфа дана в таком варианте:

yāvaj jananam tāvan maranam,
 tāvaj janantjathare sayanam /
 iti samsāre sphuṭadoṣaḥ
 katham iha mānava tava saṃtoṣaḥ //

Где рождение, там и умирание,
 там и в материнской утробе пребывание.
 Вот так сансара полнится скверной;
 почему же ты, человек, всем здесь доволен?

На примере этого частного сопоставления видно, что, в отличие от эмоционально-теистической пространной версии («Бхаджа Говиндам»), краткая ММ по содержанию представляет собой назидание, указывающее на скверны мира и призывающее в нейтральных и абстрактных выражениях на путь спасения. Не случайно автор популярнейшего комментария на краткую ММ Сваямпракаша определял жанр этого текста как *пракарана*, в конкретном значении «учебника» философии *адвайта-веданта*.

Однако определение Сваямпракашей краткой ММ как адвайтистского текста вызвано, скорее всего, лишь тем, что, начиная с позднего Средневековья, адвайта-веданта стала философской базой большинства религиозных учений и движений в Индии. Ничего специфически адвайтистского (например, учения о том, что все есть безличный Брахман, и об иллюзорности мира) в тексте, переведенном У. Джонсом и Г. С. Лебедевым, нет. Краткая ММ – это простые стихи об эфемерности, бренности всего мирского, о необходимости обратиться на путь спасения.

Простоту стиля ММ следует отметить особо. Наряду с коротким размером, энергичным ритмом, рифмованностью многих стихов эта простота, доходящая порой до использования грубоватых выражений, делает ММ уникальным явлением на фоне всей санскритской поэзии.

Причина популярности ММ среди просвещенных европейцев лежит, по-видимому, в своеобразной конгруэнтности этого индийского текста, его сходстве с классическими образцами европейской литературы XVII–XVIII веков и, как следствие, в его доступности для европейского читателя. Нужно отметить, что именно в кратком варианте ММ («Двенадцатицветие»), переведенном Лебедевым и Джонсом, слабо представлен «местный колорит», культурные реалии, характерные именно для Южной Азии. Откровенная назидательность ММ ассоциировалась в сознании английского читателя с поэзией Дж. Мильтона и А. Поупа, немецкого – с поэмами М. Опица и А. Грифиуса, французского – со стихами П. Ронсара, Э. дю-Белле и др. Начитанный европеец без труда мог бы обнаружить в этом тексте прямые аналогии со стихами английского поэта-мистика Эдварда Юнга, которые в это время переводились на все языки и были у всех на устах. Нет ничего удивительного и в том, что именно этот текст привлек внимание Г. С. Лебедева. Дидактизм, апеллирующий к авторитету Священного Писания, был характерен, как известно, не только для европейского, но и для российского Просвещения, особенно для тех его представителей, которых, по выражению А. С. Пушкина, отличала «странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства» (Пушкин 1978: 241) – т. е., петербургских и московских вольных каменщиков. Г. С. Лебедев не мог не усмотреть в индийских стихах те же мысли, те же образы, которые должны были быть ему знакомы с юных лет из произведений М. В. Ломоносова и В. К. Тредьяковского а также таких его современников, как М. М. Херасков и И. Ф. Богданович. Например, начальные стихи ММ, говорящие об иллюзорности бытия и тщетности человеческих усилий, могли ассоциироваться с такими строками из ломоносовского переложения 143 псалма, как

О Боже, что есть человек?
Что Ты ему себя являешь
И так его Ты считаешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
 Во тщетных помыслах проводит,
 И так вся жизнь его проходит,
 Подобно как пустая тень... (Ломоносов 1984: 65)

Еще ближе переводу Г. С. Лебедева, не только по отдельным аспектам содержания, но также по размеру и ритмике, кажутся «Стихи на Страшный суд» М. М. Хераскова (Сахаров 2004: 53–54):

Сколь Ты, о Господи, велик, непостижим!
 Все в совершенстве здесь устроено Тобою;
 За осенью зима и лето за весною,
 Час идет за часом, за ночью идет свет,
 И все в вселенной сей порядочно течет.
 Во всем мы Бога зрим, Тебя нам все являет,
 Тебя, о Боже мой, все в мире прославляет.

Ср. в переводе Г. С. Лебедева:

Ты видишь как текут ночь, вечер, утро, день,
 И года времена на крыльях пролетают;
 Не видишь ли как смерть разит всегда людей,
 Почто ж твой алчный взор стремится лишь к богатству? (7)

Можно заключить, что Г. С. Лебедев при переводе текста ММ ориентировался на образцы современной ему русской философской поэзии высокого стиля. Однако, при общей философичности и дидактизме содержания между ММ и европейской поэзией такого рода есть существенное различие. Мы уже говорили о простоте стиля ММ. Если искать аналогии стихам ММ в европейской философской поэзии эпохи Просвещения, то следует скорее обратиться к ее наиболее демократичным, стилистически сниженным формам, близким народно-песенной стихии, таким, например, как стихи Г. С. Сковороды (см., напр., его «Сад божественных песней» в кн.: Сковорода 1972).

Позволим себе дать здесь для примера перевод одной из строф ММ (у Лебедева – № 5), в котором мы попытались передать одновременно в максимально возможном приближении и ритмику, и стиль, и в целом дух этого текста:

angam galitam palitam munḍam
 dantavihīnam jātam tuṇḍam /
 karadhṛtakampitaśobhitadaṇḍam
 tadapi na muñcati āśābhāṇḍam //

Сивый, плешивый, хворый, убогий
Старец с клюкою бредет по дороге.
Нет уже ни зуба у грешника в пасти,
Но, как прежде, душу сжигают страсти.

Особо следует отметить употребление в санскритском тексте слова *tuṣṭam*, первичным значением которого является «клюв (птицы); морда, пасть (животного)»; в применении к человеку это звучит грубовато-уничижительно.

Таким образом, Г. С. Лебедев переводил ММ, на наш взгляд, несколько более высоким стилем, нежели того реально требовал текст. Остается сказать еще о некоторых особенностях перевода Лебедева. Мы говорили уже, что сопоставительный анализ переводов Лебедева и Джонса свидетельствует о полной самостоятельности лебедевского труда. И действительно, в целом ряде случаев мы видим, как Лебедев, скорее всего – сознательно, избирает для перевода тех или иных санскритских слов и выражений варианты, вполне соответствующие как чисто языковому контексту, так и общему настрою ММ, но в то же время никак не совпадающие с вариантами, избранными Джонсом. Например, в строфе 2 мы находим в оригинале: *saṃsāro 'yam atīva vicītram*. Джонс переводит это как «How extremely wonderful is even this world...». У Лебедева же мы находим: «Познал ли ты теперь *превратность* жизни сей?». Санскритское *vicītram* допускает, как известно, и то, и другое толкование. В следующей строфе читаем: *harati nimeṣāt kālaḥ sarvam*. Перевод Джонса: «All these time snatches away in the *twinkling of an eye*». Лебедев же переводит: «В минуту смерть со всем нас разлучает...». Здесь также Джонс и Лебедев используют различные значения санскритских слов *kāla* «время; смертный час, смерть» и *nimeṣa* «мигание; миг, мгновение».

Между переводами Г. С. Лебедева и У. Джонса существует и еще одно весьма существенное отличие. Джонс бережно сохраняет в тексте все культурологические реалии, связанные с индийской мифологией и религией. В то же время в переводе Лебедева эти реалии – прежде всего, имена индийских божеств – последовательно исключаются из текста, заменяясь некоторыми общерелигиозными терминами. Например, в строфе 9: *vāñchasy acirād yadi viṣṇutvam* Лебедев переводит: «Коль хочешь угодить *Создавшему тебя*». У Джонса: «...to attain the nature of *Viṣṇu*». Следующая строфа говорит о вечности вселенной и, в частности, Брахмы, Индры, Рудры и Солнца (*Brahmā-*

purandaradinakararudrāḥ). Джонс сохраняет все эти имена, в то время как в лебедевском переводе строфа начинается со слов «Осьмь гор и седмь морей под властью состоят *Единого Творца, создавшего вселенну*». В следующей, 11-й строфе снова упоминается Вишну, который в переводе Лебедева именуется «*един Бог, Создатель тварей всех*». И наконец встречающемуся в 12 строфе наименованию parama Brahman («Supreme Brahma» у Джонса) в лебедевском тексте соответствует «Творец». Отношение Г. С. Лебедева к индийским реалиям становится понятным, если вспомнить, что в его главном труде «Беспристрастное созерцание...» последовательно проводится мысль о том, что индийская религия есть не что иное, как «затемненное предрассудками истинное христианство». По мнению Лебедева и христианство, и индуизм являют собою различные формы некой единой, общей для всего человечества религии. Эта идея была скорее всего внушена Лебедеву его масонскими друзьями и покровителями.

Это предположение отчасти подтверждается тем, что Лебедев вводит в перевод текста ММ некоторые характерно масонские формулы. Так в 8-й строфе первые строки читаются как *ugavaramandiratarutalavāsaḥ / śaṃyā bhūṭalam ajīnam vāsaḥ*. Перевод Джонса, близкий к оригиналу, гласит: «To dwell under the mansion of the high Gods at the foot of a tree; to howl the ground for a couch, and a hide for vesture...». Лебедев переводит эти строки как «Под *древом жизни* храм тебе назначил Бог, постелей шар земной, растения – покровом...». В оригинале санскритское *taru* «дерево» употреблено в своем обычном значении. Лебедев привносит в перевод образ «древа жизни», встречающийся в текстах Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

В Священном Писании о «древе жизни» говорится в Книге Бытия (2. 9: «И произрастил Господь Бог ... дерево жизни посреди Рая и дерево познания добра и зла»). В Притчах Соломона «дерево» не только отождествляется с «премудростью» (3. 8), но и непосредственно связывается с практической деятельностью человека, чистотой его помыслов и деяний (11. 28: «Плод праведника – дерево жизни; мудрый привлекает души»). Наконец, Откровение Иоанна Богослова упоминает дерево в главах, повествующих о Новом Иерусалиме (22. 2: «Среди улиц его – и по ту, и по другую стороны реки – дерево жизни... И листья дерев – для спасения народов»). В конце XVIII в. этот библейский образ становится особенно популярным в масонской лите-

ратуре. В сочинениях русских масонов «древо жизни» трактуется как символ высшей мудрости, сохранившейся, по словам И. П. Елагина, «от самых древнейших веков и даже от первого человека» как таинство спасения, от которого таинства, быть может, судьба целого человеческого рода зависит» (Пекарский 1869: 109–110, Пыпин 1916: 143; ср. Харитонович 2001: 133). То, что эта формула появляется у Лебедева в переводе **индийского** текста отнюдь не случайно, становится очевидным, если мы вспомним, где – в пространстве и во времени – масоны пытались отыскать эту спасительную премудрость. По словам Елагина, эта премудрость пребывает в «училищах Пифагора, Платона и Фалеса», а также, в меньшей степени, «у Любоумров индейских, китайских, арабских, друидских и прочих» (Елагин 1864; Пыпин 1916; ср. Гуров, Бросалина, Васильков 2006: 353). В опубликованном недавно (Сахаров 2004: 23–24) «Изъяснении при учреждении вольно-каменщического общества...» – документе, в конце XVIII в. хранившегося во многих ложах, мы читаем: «... Благочестивые и молящиеся поклонялись дубовому дереву и начертанному образу Солнца ... Сих мудрых и избранных мужей находим мы под именем волхвов у персов; под именем мудрых прорекателей и Астрологов у халдеев; под именем философов у греков и римлян, Браминов у Индиан, Друидов и Бардов у Бриттян...».

В. Н. Топоров в одной из своих работ (1989: 48–49) говорит о «внутреннем притяжении» просвещенных европейцев и россиян XVIII – начала XIX вв. к высоким образцам индийской духовности. Г. С. Лебедеву, на протяжении трех десятилетий стремившемуся «обратить внимание не одних соотечичей своих, но и разностранцев» на духовное богатство Восточной Индии, удалось – одному из первых в России и в мире воплотить это «притяжение» в конкретные дела. Его работа над переводом «Мохамудгары» – еще один тому пример.

Литература

- Альтшулер 1963 – Альтшулер М. Г. Лебедев и Державин // НАА. № 5. С. 126–129.
- Гуров, Бросалина, Васильков 2006 – Н. В. Гуров, Е. К. Бросалина, Я. В. Васильков. У истоков российской индологии: научное наследие Г. С. Лебедева (1749–1817) // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию проф. А. Л. Грюнберга (1930–1995) / Отв. редактор М. Н. Боголюбов. СПб.: Наука. 2006. С. 350–359.

- Гуров в печ. – Н. В. Гуров. Новое о Герасиме Лебедеве (Почему Герасим Лебедев поехал в Индию?).
- Елагин 1864 – И. П. Елагин. Новые материалы для истории масонства. Записки И. П. Елагина // Русский Архив. Т. I. С. 94–110.
- Лебедев 1805 – Лебедев Г. Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев. СПб.
- Ломоносов 1984 – Ломоносов М. В. Стихотворения. М.
- Пекарский 1869 – Пекарский П. П. Дополнения к истории русского масонства XVIII столетия. СПб.
- Пушкин 1978 – Пушкин А. С. Александр Радищев // Полное собрание сочинений. Т. VII. Критика и публицистика. Л. С. 239–246.
- Пыпин 1916 – Пыпин А. Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX века. Пг.
- Русское масонство 2006 – Русское масонство. М.
- Сахаров 2004 – Сахаров В. Русское масонство в портретах. М.
- Сковорода 1972 – Сковорода Г. Литературни твори. Київ.
- Топоров 1989 – Топоров В. Н. Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции: (К проблеме «индианизма» начала XIX века): I–IV // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 23. S. 33–80.
- Харитонович 2001 – Харитонович Д. Масонство. М.
- Gildemeister 1847 – Gildemeister I. Bibliothecae Sanskritae sive Recensus Librorum Sanskritorum... Bonn – London.
- Langlés 1807 – Langlés L.. Catalogue des MSS Samskrits. Paris.
- Lebedeff 1801 – Lebedeff G. Grammar of the Pure and Mixed Indian Dialects. London.
- Mahadevan 1980 – Mahadevan T. M. P. The Hymns of Śankara. Delhi. P. 33–77.
- Telugus 2003 – The Telugus. Vol. 5: Literature and Culture. New Delhi.
- Winternitz 1963 – Winternitz M. History of Indian Literature. Vol. III, pt. I. Classical Indian Literature / Translated from the German by S. Jha. Delhi – Patna – Varanasi.